

ЭО, 2006 г., № 5

© А.Х. Рахманкулова

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В УЗБЕКИСТАНЕ
В КОНЦЕ 1930-х – 1940-е годы**

Репрессивная политика Советского государства по отношению к своим гражданам, когда миллионы людей стали жертвами политического произвола по политическим, религиозным, социально-классовым и иным мотивам, – составная часть сталинско-советской практики социалистического строительства. Репрессии являлись не только актом насилия. Они были тесно связаны с экономическими и другими интересами государства. Репрессированных рассматривали не только как врагов, но и как трудовой ресурс, нередко квалифицированный; переселение народов – это не только их удаление с территорий, на которых они проживали, но и способ освоения новых территорий на окраинах государства. Советское общество в этом смысле было сверхрациональным.

Рассматривая политику насильственного переселения народов, следует сказать, что она применялась не одним лишь СССР. В мировой истории есть немало примеров, когда проживавшие в доминирующей инонациональной среде группы населения переселялись, если их не удавалось ассимилировать. Например, в III в. до н.э. китайский император Цин Шихуанди казнил около 500 ученых и насильно переселил с севера на юг Китая сотни тысяч семей. Начиная с XVI и вплоть до середины XIX столетия в Америку было переправлено приблизительно 11 млн негров-рабов. В 1290 г. всех евреев изгнали из Англии, в 1292 г. – из Франции, в 1492 г. – из Испании, в 1497 г. – из Португалии. В начале XIX в., во время русско-турецких войн, в Причерноморье из Пруто-Днепровского междуречья (или Буджака) в Крым было выселено все мусульманское население (татары, турки, ногайцы). Во время Первой мировой войны главным (хотя далеко не единственным) инициатором и проводником "превентивных этнических чисток" и депортаций выступила именно царская Россия. Но ни с чем не сравнимый бум депортаций принесли Вторая мировая война и связанные с ней события. Например, в 1940 г. из Болгарии было выселено около 100 тыс. румын, 300 тыс. сербов и 100 тыс. греков, из Хорватии – 1 тыс. сербов. В 1939–1944 гг. из Кореи в Японию было депортировано 444,3 тыс. человек. В годы войны из США были депортированы 120 тыс. японцев и т.д. (Полян 2001). Эти депортации преследовали разные цели, прежде всего политические и экономические.

Прежде чем приступить к изложению проблемы использования трудового потенциала депортированных народов, следует вкратце рассмотреть степень изученности проблемы депортации народов в СССР. Проблема насильственного переселения стала объектом пристального внимания ученых в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. Российскими исследователями были изданы статьи (Чешко 1988: 3–15; *Вормсбахер* 1988: 193–203; *Парсаданова* 1989: 26–44; *Бугай* 1990: 32–44), научные сообщения (*Бугай* 1989: 22–25; *Бугай* 1989а: 135–144; *Некрнич* 1990: 31–33), опубликованы сборники

документов (Иосиф Сталин 1992; Депортация народов 1992; Репрессированные народы 1994; *Бугай* 1994а; По решению правительства 2003), монографии (*Бугай, Гонов* 1998; *Полян* 2001а). Появились некоторые исследования по проблеме трудового использования спецпереселенцев в СССР (*Бугай* 1994: 84–97; *Ремпель* 1996: 69–97; *Алферова* 1998; *Маламуд* 1998; *Герман, Курочкин* 2000), по экономике принудительного труда (*Хлевнюк* 1992: 73–84), в частности, в ГУЛАГе (*Иванова* 1997; История сталинского ГУЛАГа 2004).

В своих исследованиях авторы рассмотрели вопросы мобилизации, трудового использования и содержания депортированных советских немцев, проанализировали условия жизни и быта "трудоармейцев" и их влияние на физическое состояние и производственные показатели. "Трудоармейские" формирования впервые были изучены как специфический элемент производительных сил общества и как одно из проявлений национальной политики государства в отношении депортированных народов (*Герман, Курочкин* 2000: 43–69; *Гончаров* 2001: 154–162). Особый интерес представляет много-томное издание, подготовленное группой ученых по истории сталинского ГУЛАГа, которое содержит материалы, отражающие массовое использование труда заключенных, спецпереселенцев, в том числе и депортированных народов, пополнявших спецссылки новыми контингентами в 1930–1950-е годы (История сталинского ГУЛАГа 2004а). Одна из задач этой работы – «отразить основные "кампании" по организации жизни и трудового использования спецпоселенцев в условиях меняющейся государственной политики» (Там же: 30).

Несмотря на то, что в изучении проблемы трудового использования определились некоторые направления (*Бугай и др.* 1998: 243–258; *Иванова* 1997; *Маламуд* 1998; История сталинского ГУЛАГа 2004), проблема трудового использования депортированных народов в 1930–1940-е годы остается малоизученной. В данной статье мы хотели бы проанализировать проблему использования трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930–1940-х годов на примере корейцев и крымских татар.

Первыми среди народов, насильственно выселенных в Узбекистан, были корейцы. Сразу после принятого 21 августа 1937 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О выселении корейцев из пограничных районов Дальневосточного края" в республику в октябре–ноябре 1937 г. прибыло 74 500 корейцев (16 307 семей) (ЦГА РУз 5: 130). За ними в 1940-е годы последовали народы Северного Кавказа и Грузии (турки-месхетинцы, курды, хемшины), калмыки, крымские татары, греки и другие народности. Так, к началу 1945 г. в Узбекистане оказалось 76 552 корейца (ГАРФ 3: 4). На учете отдела спецпоселений НКВД СССР по Узбекской ССР в 1944 г. находились 155 446 спецпереселенцев, в том числе: бывших кулаков – 8045, немцев – 231, из Крыма – 147 170 (ГАРФ 2: 130). В Узбекистане к началу 1945 г. было размещено 53 163 человека из Грузии, калмыков – 538, 757 выходцев с Северного Кавказа, из них: балкарцев – 419, чеченцев – 175, ингушей – 159 (*Бугай* 1995: 79, 107, 135, 177).

Во всех официальных документах того периода депортированные народы определялись как "спецпереселенцы", что помимо жесткого надзора означало целый ряд мер по ограничению их гражданских прав. В частности, они принудительно обязывались проживать в определенном районе. В результате этих мер в Узбекистане, как и в других регионах страны, был насильственно расширен ареал этнических меньшинств.

Переселенческая география имела свои основания. Доктрина о переходе к социализму, минувшая капиталистическую стадию развития, означала отсутствие прежде всего экономической базы индустриального развития в республиках Средней Азии и Казахстане. В 1930-е годы Узбекистан представлял собой регион, где сельское население составляло около 80% и проживало в основном в оазисных, долинных районах, занимаясь земледелием. Незначительный процент местных жителей в предгорных и гор-

ных районах был занят отгонным животноводством. Сельское хозяйство велось экстенсивным способом. С 1920-х годов предпринимались попытки ирригационного освоения степных массивов путем организации там хлопкосеющих совхозов.

Следует отметить, что политика переселений в целях освоения земель проводилась и в дореволюционное время, когда переселялись выходцы из европейской части России. Это наиболее четко выражалось в планах царского правительства в отношении будущего "русского" Туркестана. Возглавлявший Главное управление землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин даже говорил о создании на обособленных, т.е. вновь орошаемых, землях "второго русского Туркестана" (Кривошеин 1912: 30). Переселились и другие народы, например, таранчи в Семиречье; в 1920–1930-е годы, когда политика переселения русских и других была названа колониальной, пытались переселять население внутри Средней Азии: горное население сселяли на вновь орошенную равнину и т.д. Так, для "полного использования долинных свободных земель" таджикское население из горных районов Гарм, Ура-Тюбе, Пенджикент и переселенцы из Ферганской долины были отправлены в Вахшскую долину, в частности, в Курган-Тюбинский вилоят (область. – А.Р.) и т.д. Всего в 1925 / 26 и 1928 / 29 гг. в Таджикской АССР было переселено и расселено 15 826 хозяйств (Марсаков 1968: 31), в том числе в 1927–1928 гг. из Каратегина и Дарваза на равнину переселилось 1307 крестьянских хозяйств (Кисляков и др. 1966: 45). В 1925–1932 гг. было переселено 56 600 домашних хозяйств (Bushkov 2000: 149).

Предполагалось, что переселенцы будут заниматься выращиванием сельскохозяйственных культур, несмотря на отсутствие средств механизации, водных и продовольственных ресурсов, а также приемлемых жилищно-бытовых условий. Однако эти попытки не дали ожидаемого результата. На этих условно-поливных землях и располагались спецпоселения. Например, согласно постановлению СНК УзССР от 11 октября 1937 г. "О корейцах", именно на обособленных¹ земельных участках общей площадью в 17 369 га были размещены 74,5% всех хозяйств корейских переселенцев-колхозников (6929 хозяйств) (ГАРФ 1: 103; Бугай 1998: 153)².

Архивные материалы свидетельствуют, что политика депортаций являлась частью социалистического строительства и органично вписывалась в систему плановых заданий и отчетности об их выполнении. К примеру, в одном из документов читаем, что "на 13 ноября 1937 г. в Узбекистан было переселено 16 307 хозяйств (корейцев. – А.Р.). Таким образом, задание (о вселении корейцев. – А.Р.), установленное Совнаркомом Союза ССР в 15 000 хозяйств (пост. № 1697 / 377 от 28. IX. 37 г. п. 2 – 9000 хозяйств и дополнительное задание – 6000 хозяйств), было выполнено с превышением на 1307 хозяйств" (ЦГА РУз 5: 130).

Такого рода постановлениями государство намеревалось решить проблему развития экономики региона. Например, созданной 23 декабря 1937 г. Комиссии при СНК СССР по вопросу хозяйственно-культурного строительства корейцев поручалось разработать и представить на утверждение Совнаркома соответствующие планы по Узбекской и Казахской ССР. 5 января 1938 г. специальным постановлением СНК СССР ("О мероприятиях по хозяйственному устройству корейских переселенцев в Узбекской ССР") Совнарком Узбекской ССР обязывался "обеспечить трудовое устройство всех рабочих и служащих корейцев" (ГАРФ 1: 185–190; Бугай 1998: 248–249). На основе указания СНК СССР от 11 января 1938 г. было принято постановление СНК Узбекской ССР "О мероприятиях по трудоустройству корейских переселенцев", в соответствии с которым "председатели окрисполкомов и горсоветов, а также руководители хозяйственных организаций, как в центре, так и на местах по согласованию с НКВД УзССР" должны были "безоговорочно представлять работу переселенцам, обеспечивая их жильем и оказывая им содействие в трудоустройстве" (ЦГА РУз 4: 26).

Постановления Совнаркома УзССР подробно определяли все необходимые работы по приему, размещению и обслуживанию переселенцев-корейцев, однако их выполнение не подкреплялось реальными возможностями на местах. И только к весне 1938 г. значительную часть корейских переселенцев удалось пристроить в специально созданные корейские колхозы, а других – к ранее существовавшим узбекским колхозам. В целом процесс обустройства затянулся до конца 1939 г.

Для организации колхозов помимо отвода земель требовалась хотя бы минимальная материальная база (орудия производства, посевной материал, удобрения и т.п.) и какой-то опыт работы в сельском хозяйстве у тех, кто должен был осваиваться в непривычных для себя хозяйственно-климатических условиях Средней Азии. В Хорезмском округе из 12 корейских переселенческих хозяйств в прежнем составе остались только три (ЦГА РУз 6: 5). Весной 1938 г. численность корейских переселенцев в этом округе шла по нарастающей. Наряду с проблемой организации колхозов возникла проблема трудоустройства корейских переселенцев. Среди них были не только крестьяне, но и представители других социальных групп: рабочие, техническая интеллигенция, служащие. Рабочие и служащие, прибывшие для поселения в Новый Ургенч и Гурленский р-н, расселялись сами по всему Хорезмскому округу, так как им не была предоставлена работа.

Любопытна переписка по этому поводу между организациями и ведомствами, ответственными за выполнение задач, поставленных государством. Документы показывают, что внезапное, незапланированное прибытие переселенцев, непродуманность, нереальные сроки, несогласованность переселенческих мероприятий между организациями и ведомствами создавали проблемы с трудоустройством корейских переселенцев. Приведем некоторые из архивных документов:

"Москва НКВД Чернышеву

Москва НКВД Переселенческий отдел Даубе

Хабаровск по существу об отгружаемых эшелонах переселенцев сообщает нам только число хозяйств и душ. Коменданты эшелонов с пути следования никакой информации не шлют. В результате эшелоны на Ташкентскую дорогу поступают для нас внезапно. Сколько рабочих, служащих, колхозников, совхозников и так далее в каждом эшелоне мы узнаем только в момент разгрузки эшелона. Такое положение приводит к особым затруднениям правильного размещения и трудоустройства переселенцев...

Пом. наркома внутдел УзССР

капитан Госбезопасности

З. Х-37 г. Меер"

(Архив МВД РУз 1: 68; *Ким* 1999: 52)

"Москва НКВД Чернышеву"

Второго ноября на станцию Арысь из ДВК прибыло три эшелона переселенцев. Контингент всех эшелонов смешанный: рыбаки, рабочие, служащие, колхозники зерновые и так далее... С целью отбора рыбаков для поселения в Каракалпакии при отсутствии однородного состава переселенцев эшелонов задержки маневрированными работами в Арыси и впредь окажутся неизбежными, однако, отказаться от сортировки нельзя, так как поселять рыбаков кроме Каракалпакии негде, наоборот очень трудно трудоустроить там другой контингент, что вам уже известно из телеграфной жалобы переселенцев, рабочих, служащих Кунграда. Мною приняты дополнительные меры, исключаяющие длительную задержку эшелонов в Арыси.

Пом. наркома внутдел УзССР

капитан Госбезопасности

6 ноября 37 г. Меер".

(Архив МВД РУз 1: 345; *Ким* 1999: 54)

Как видно из сообщения помощника народного комиссара внутренних дел Меера, поселить рыболовов, кроме Каракалпакии, было негде.

В Каракалпакию переселили 11 корейских рыболовецких колхозов (700 хозяйств), но заняться рыболовством они не смогли из-за отсутствия материально-технической базы. Всего из переселенческих корейских хозяйств в Узбекистане было организовано четыре рыболовецких колхоза: в Кунградском р-не – "Рыболовецкие промыслы" (40 семей), в Ходжейлийском – "Ленин-Яб" (37 семей), в Муйнакском – "Коминтерн" (170 семей) и в Бекабадском р-не – "Дальневосточник". Несмотря на усилия переселенцев-рыбаков наладить жизнь на новом месте, из-за слабой оснащенности, плохой организации работы указанные колхозы оставались нерентабельными, план выполнялся на 40–50%. Бывшие дальневосточные рыболовецкие колхозы были расселены в Ташкентской обл., где занялись земледелием. Экономическая структура республики, в которой преобладал экстенсивный аграрный сектор, оказалась не в состоянии адаптировать новые отрасли.

Особенно тяжело было трудоустроить рабочих и служащих. Они распределялись по различным наркоматам и ведомствам. Только малая часть получила работу, однако не сразу. Процесс шел крайне медленно и сопровождался большими трудностями. Архивные материалы показывают, как, с одной стороны, государство стремилось создать сильную экономику, а с другой – разрушало ее основу.

Широко практикуя массовые депортации населения в 1930–1940-е годы, власть преследовала не только цель наказать недовольных, но и решить труднейшие экономические и социальные проблемы. Высокие темпы развития, которые необходимы были молодому государству, могли быть достигнуты и за счет внеэкономического принуждения, насилия. Поэтому Советское государство стало применять труд спецпереселенцев. Следует отметить, что проблема трудоустройства переселенных граждан решалась, как правило, уже на местах их поселения. Это приводило к тому, что в целом их труд использовался неэффективно. Спецпереселенцы, имевшие специальное образование, в большинстве случаев не работали по специальности. Республика не могла найти применение квалифицированным работникам.

Так, по состоянию на 18 января 1938 г. 1660 хозяйств из расселенных в Узбекистане (без Каракалпакии) переселенцев еще не были трудоустроены. Контингент нетрудоустроенных переселенцев состоял в основном из квалифицированных рабочих и ИТР – железнодорожников, связистов, судостроителей, моряков, рабочих рыбной промышленности, старателей. Студенты технических высших учебных заведений были лишены возможности продолжить образование, так как подобных вузов не имелось в Узбекской ССР. Устроить переселенцев по их квалификации не удавалось, а на иную работу, как сообщает источник (хотя и умалчивает, о какой работе идет речь), они не хотели идти, предъявляя требования отправки в другую республику; переселенцы самовольно разъезжали по районам в попытках найти лучшие материальные и бытовые условия (Архив МВД РУз 2: 33–38; Ким 1999: 90).

Таким образом, и переселенцы, и сама республика оказались заложниками безответственной политики власти. Невозможность поступить на работу по специальности, продолжить образование, сам факт принудительного переселения ломали судьбы людей, которые не имели права выбора и были поставлены в зависимость от властей и обстоятельств. Подчиняясь воле судьбы, они вынуждены были заново строить жизнь для себя и своих детей.

Вторая мировая война в корне изменила процесс развития народного хозяйства. Экономика страны перестраивалась на военный лад. Более 100 промышленных предприятий из западных районов СССР эвакуировали в Узбекистан. Корейские переселенцы были мобилизованы на трудовой фронт для работы на эвакуированных и рес-

публиканских промышленных предприятиях, угольных шахтах Ангрена, строительстве Бекабадского металлургического завода, нефтяных промыслах Ферганы и др.

С прибытием депортированных народов из Крыма и с Кавказа возникли новые проблемы по их хозяйственному и трудовому устройству, а также решению социальных задач. Если учесть предшествующий опыт, связанный с приемом корейских переселенцев, то нетрудно предугадать, что новая волна переселенцев усугубила проблемы в условиях военного времени.

Характерен пример прошедших через депортацию крымских татар. Согласно архивным данным, на 1 октября 1944 г. в Узбекистане находились 37 235 семей (147 170 человек), депортированных из Крыма и расселенных в 62 районах семи областей Узбекской ССР (ЦГА РУз 3: 458). Из указанных семей к предприятиям, стройкам и учреждениям были прикреплены 10 274 семьи, к колхозам – 19 536, совхозам – 7425 (ГАРФ 3: 130). На 1 февраля 1945 г. спецпереселенцы из Крыма составили 134 742 человек, в том числе по областям: в Ташкентской – 49 620, Самаркандской – 29 293, Ферганской – 18 441, Андижанской – 16 494, Наманганской – 10 670, Бухарской – 3211, Кашкадарьинской – 8013 человек. Документы фиксируют сокращение численности депортированных на 9,1% (ЦГА РУз 3: 458; речь идет о смертности спецпереселенцев).

Надо полагать, люди, лишённые прав и не имевшие жилья, при отсутствии возможности трудоустроиться оказались в очень тяжелой ситуации. Властные структуры республики также находились в нелегком положении. Известно, что в годы войны республика приняла тысячи эвакуированных из оккупированных регионов страны, население жило очень скудно. На местах не имелось средств для ведения жилищного или промышленного строительства. Значительная часть спецпереселенцев проживала в неудовлетворительных бытовых условиях, не обеспечивалась продовольствием, одеждой и обувью. Медицинская помощь отсутствовала. Сложившаяся ситуация создавала дополнительный фактор увеличения смертности.

О том, что положение было чрезвычайным, говорят документы тех лет. По представлению НКВД УзССР ЦК КП(б) и СНК республики приняли развернутые решения (постановления от 8. VII. 1944 г. (№ 198/6) и от 30. IX. 1944 г. (№ 1228–159с) "О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев крымских татар") по улучшению жилищно-бытовых условий спецпереселенцев. Секретари обкомов, райкомов партии, председатели областных и районных исполкомов обязывались принять самые решительные меры к трудоустройству спецпереселенцев и созданию им нормальных бытовых условий. Во все области республики, где находились спецпереселенцы, были посланы бригады проверяющих по исполнению этих решений и оказанию практической помощи областным организациям, которые, в свою очередь, организовали аналогичные бригады, посланные в районы, на промышленные предприятия, стройки, в совхозы и колхозы. В результате на 1 июля 1946 г. из 57 926 трудоспособных спецпереселенцев – крымских татар – было занято на работах 55 869 человек, или 95%. Не работали 2057 человек – частично из-за временной нетрудоспособности (больные малярией, желудочно-кишечными и другими заболеваниями) и по ряду других причин. Как писал в докладной записке заместитель министра внутренних дел Завгородний, "это положение усугублялось еще и тем, что часть спецпереселенцев... надеясь на скорейшее возвращение в Крым, не приступала к устройству своего положения, а руководители отдельных хозяйственных предприятий смотрели на спецпереселенцев как на временную рабочую силу, не принимая должных мер к созданию им нормальных бытовых условий" (ГАРФ 5: 81–82).

С промышленных предприятий истроек, которые не имели возможности для создания минимально приемлемых жилищно-бытовых условий, НКВД Узбекской ССР переводило спецпереселенцев на другие хозяйственные объекты. Например, спецпереселенцы, работавшие на Нижне-Бозсуйской ГЭС, были расселены в колхозах Ташкентской обл.; из колхозов Горского р-на Ферганской обл. спецпереселенцев отправили в

г. Коканд и трудоустроили там на промышленных предприятиях. 742 семьи (7472 человека), трудившиеся на строительстве Фархадской ГЭС, переселили в хлопководческие колхозы Таджикской ССР (ГАРФ 5: 82). Однако улучшения в положении спецпереселенцев из Крыма не наблюдалось потому, что к концу 1944 г. и в первом квартале 1945 г. их жилищно-бытовые условия вновь резко ухудшились.

Заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР писал в докладной записке: "Ухудшению положения спецпереселенцев способствовало обстоятельство, что некоторые местные партийные, советско-хозяйственные организации в результате недооценки важности работы со спецпереселенцами ослабили свое внимание вопросам хозяйственно-бытового положения спецпереселенцев и повседневным их нуждам, а наступившая длительная суровая зима с морозами до 25 градусов с сильными снегопадами, при необеспеченности одеждой, обувью и продснабжением усугубили положение спецпереселенцев" (ГАРФ 5: 83).

Одной из самых типичных черт государственного управления тех лет было правило, чтобы любой приказ, поступивший сверху, не обсуждался, а безоговорочно выполнялся. То, что в переписке органов НКВД именуется "недостатками" и "недооценкой", имело под собой реальные, объективные и субъективные причины. Во-первых, республика в годы войны полностью работала на нужды фронта. Неурожай зерновых в 1944 г. больно ударил прежде всего по колхозникам, труд которых оплачивался продуктами; колхозы были не в состоянии выдать натуроплату спецпереселенцам по трудодням. Только сильные колхозы, как сообщает источник, сумели дать в какой-то мере аванс переселенцам (ЦГА РУз 3: 464). Во-вторых, было также немаловажно, что крымских татар депортировали, обвинив в пособничестве фашистам. Одно это могло провоцировать равнодушные к их проблемам, к тому положению, в каком они оказались не по своей воле.

Из-за невозможности выполнить постановление ГОКО за № 6600-сс от 25 сентября 1944 г. о выдаче спецпереселенцам зерна, картофеля и овощей в порядке окончательного расчета за принятое от них по месту прежнего жительства имущество создалось исключительное напряженное положение. Продовольствие выдавалось нерегулярно, с задержкой на 2–3 мес., а в ряде областей (Ферганская, Андижанская и Кашкадарьинская) выдача зерна затянулась до июня 1945 г. В некоторых областях и районах на промышленных предприятиях и в совхозах в первой половине 1944 г. и в начале 1945 г. были случаи, когда спецпереселенцам не выдавался хлеб по карточкам. Чрезвычайно плохо снабжались продовольствием спецпереселенцы, расселенные в колхозах. К тому же в 1944 г. почти во всех колхозах они не получали натуроплаты за выработанные трудодни, за исключением получения незначительных авансов, да и то в крепких хозяйствах. По архивным данным можно проследить, что в Камашинском и Китабских районах Кашкадарьинской обл. в ряде колхозов не был произведен расчет со спецпереселенцами за выработанные в 1946–1947 гг. трудодни (ЦГА РУз 2: 358).

Заработок спецпереселенцев на тех или иных предприятиях был на 20–30% ниже среднего заработка рабочих, трудившихся там (*Габриэлян и др.* 1998: 71). Правда, большинство спецпереселенцев из-за физической слабости и истощения было просто не в состоянии справиться с нормами выработки или получить необходимое количество "трудодней" в колхозах для того, чтобы прокормить семью. Вместе с тем размер заработка зависел еще от занимаемой должности, степени разряда. Это можно проследить на примере спецпереселенцев, использовавшихся в качестве рабочей силы на строительстве Нижне-Бозсуьской ГЭС, в период с июня по октябрь 1944 г. В начале июня указанного года на строительство прибыли 877 семей спецпереселенцев (3845 человек: из них мужчин – 639, женщин – 1207, детей до 16 лет – 1999). По данным оперативного учета среднесписочный состав переселенцев, вовлеченных в работу, за указанный период составил 869 человек, или 47,1% от всех прибывших взрос-

лых. Среднее число выходов на работу – 500 человек, или 57,4% от среднесписочного состава работавших и 27,1% от взрослого населения. Из 500 выходов на строительство жилищ для собственного размещения и устройства на зиму был занят 261 человек, остальные работали либо на основной стройке, либо в подсобных хозяйствах, занятых заготовкой на зиму овощей для питания самих же переселенцев. Начиная с августа всех переселенцев отправили на строительство жилищ для себя.

С июня по октябрь 1944 г. за работу переселенцам было начислено зарплаты 229503 руб., что при 73 415 выходах на работу даст 3 руб. 94 коп. за выход, при средней зарплате по остальным группам строительства за тот же период 7 руб. 50 коп (ЯФТОГА 1: 30). Для сравнения заработной платы рабочих различных контингентов посмотрим платежные ведомости. Так, по 3-му участку за август 1944 г. за 20 отработанных человеко-дней вольнонаемному рабочему-плотнику было начислено 372 руб. 54 коп. (ЯФТОГА 2: 80), трудармейцу-плотнику – 271 руб. 51 коп., трудармейцу-подсобному рабочему – 163 руб. 78 коп. (Там же: 82), спецпереселенцу-рабочему – 47 руб. 35 коп. (Там же: 75). За 24 отработанных человеко-дня трудармеец-каменщик получил 178 руб. 71 коп. (Там же: 82), спецпереселенец-каменщик – 121 руб. 84 коп. (Там же: 21). Если взять ведомость начисления зарплаты за 1946 г. рабочим на строительстве Нижне-Бозсуйской ГЭС № 3, то можно увидеть следующую картину: вольнонаемным рабочим и спецпереселенцам-рабочим 3-го разряда за 25 отработанных человеко-дней была начислена одинаковая сумма зарплаты – 170 руб. (ЯФТОГА 3: 14–14об). Таким образом, если в 1944 г. средняя зарплата спецпереселенцев отличалась от аналогичной у рабочих других контингентов (имеются в виду вольнонаемные и трудармейцы), то в 1946 г. в их зарплате никакой разницы не наблюдается.

Необеспеченность спецпереселенцев одеждой, обувью, тяжелое положение с продовольствием стали причиной болезней и смертности среди крымских татар. За 6 мес. 1944 г., т.е. с момента прибытия спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР и до конца года, умерло 16 052 человека (10,6% от общего числа спецпереселенцев), а за весь 1945 г. – 13 183 человека, или 9,8% (ГАРФ 5: 84). В послевоенные годы ситуация с трудоустройством переселенцев значительно изменилась. Это было связано с развитием индустриального сектора экономики республики. Из-за того, что сельхозпроизводство оставалось экстенсивным и требовало больших затрат ручного труда, перераспределение занятости оказывалось невозможным. Преобладающая часть местного, коренного населения была по-прежнему вовлечена в аграрный сектор, а спецпереселенцы заняли вновь создаваемые рабочие места на промышленных предприятиях. Тем самым, решая одну проблему, актуальную для того периода, были созданы проблемы, давшие о себе знать через несколько десятков лет.

На Ташкентском текстильном комбинате им. И.В. Сталина было занято 2520 спецпереселенцев (в основном женщины), из которых 26% являлись стахановцами. На промышленных предприятиях работали 2216 спецпереселенцев, на строительстве Фархадской ГЭС – 1159. Во втором квартале 1946 г. более 600 спецпереселенцев из числа трудоустроенных на строительстве Фархадской ГЭС были премированы и награждены за высокие производственные показатели. В колхозах Джалайл-Кудукского р-на Андижанской обл. занятые на полевых работах спецпереселенцы вырабатывали по 2–2,5 нормы в день.

Спецпереселенцы из Крыма работали на руднике "Озокерит" и на торфоразработках Ферганской обл., на шахтах "Сталинуголь", промышленных предприятиях г. Ташкента, ряде строек, в колхозах и совхозах, достигая высоких производственных показателей. Некоторые за перевыполнение плановых заданий ежемесячно, кроме заработка, получали премиальные от 500 до 1000 руб. А средний заработок спецпереселенцев-забойщиков на шахтах составлял до 5000 руб. в месяц (ГАРФ 5: 85).

Значительная часть спецпереселенцев из Крыма, занятая в индустриальной сфере, прошла техническое обучение и получила производственные квалификации слесарей, токарей, арматурщиков и ряда других специальностей. Например, на Ташкентском инструментальном заводе 132 спецпереселенца получили рабочие специальности: слесаря – 21 человек, токаря – 26, фрезеровщика – 13, станочника – 60, шофера – 2, термиста – 7 и кузнеца – 3 человека (Там же: 86).

Этот пример не единственный. Подготовка квалифицированных кадров велась и на других индустриальных объектах. Но это происходило не потому, что коренным образом изменилось отношение к депортированным народам, а потому, что отраслям были необходимы квалифицированные рабочие.

Страшным последствием депортации стали беспризорность и безнадзорность детей, оставшихся без родителей. По Узбекской ССР таких насчитывалось 8657 человек. В детдома попали 5267 детей, в школы ФЗО и ремесленные училища – 716; трудоустроено на работу было 2674 подростка (Там же: 86).

Как видно из архивных данных, труд депортированных использовался в тех областях, где не хватало рабочих рук. Были случаи, когда спецпереселенцы устраивались на работу и по своим специальностям. В частности, это видно из письма-ходатайства начальника Переселенческого управления при СНК Узбекской ССР Адамовича от 27 марта 1945 г. на имя заместителя наркома НКВД, полковника госбезопасности И.А. Меера: «Филиал Научно-Исследовательского Института "Магарач", расположенный в селе Кибрай Орджоникидзевского района Ташкентской области, в связи с большим недостатком специалистов по виноделию возбудил перед нами ходатайство о передаче на работу в указанный филиал крупного специалиста по виноделию спецпереселенца Бекирова Усейн, находящегося в Андижанской области ст. Курган-Тюбе хлопсовхоз "Савай".

Переселенческое управление при СНК УзССР, поддерживая ходатайство филиала "Магарач", просит Вас разрешить переезд Бакирову Усейну из Андижанской области в Ташкентскую на работу в филиал "Магарач"» (ЦГА РУз 3: 65).

Письма, подобные этому, можно встретить и в других архивных делах. Например, председатель комитета по делам кинематографии при СНК СССР Большаков сообщил, что на самаркандском заводе "Кинал" в связи с эвакуацией основных кадров для восстановления предприятий городов Ленинграда, Одессы и других западных областей создано исключительно тяжелое положение. По этой причине он просил разрешения народного комиссара внутренних дел о комплектации специалистов и рабочих из числа спецпереселенцев, поскольку "в Самаркандской области находится большое количество спецпереселенцев из Крымской АССР, из среды коих могут быть скомплектованы стабильные кадры для завода". Большаков просил «о направлении для работы на самаркандском заводе "Кинал" 150 семейств спецпереселенцев, из числа неблагоустроенных и изъявляющих желание работать на заводе» (ГАРФ 4: 73).

Хотя переселенцы своим трудом помогали становлению промышленности, а некоторые из них были стахановцами и участвовали в социалистическом соревновании, в их гражданском статусе ничего не изменилось. Последний определялся постановлением СНК СССР (№ 35 от 8 января 1945 г.) "О правовом положении спецпереселенцев" (ЦГА РУз. 1: 404), которое закрепляло принудительное трудовое устройство и ограничение их права на свободное передвижение. На местах были созданы отделения спецкомендатур при управлениях НКВД, целью которых, согласно "Положению о спецкомендатурах НКВД", принятому СНК СССР 8 января 1945 г. (№ 14 под грифом "секретно"), являлось обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и предотвращение побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством. В условиях спецрежима права спецпереселенцев стали регулироваться в основном спецкомендатурами. На 21 января

1947 г. 49 253 семей (179 368 человек) спецпереселенцев находились под надзором спецкомендатур, которые были созданы в областях, районах и городах Узбекистана. Это можно проследить по архивным данным (ГАРФ б: 76–98), которые приводятся в сводной таблице (см. табл.).

В условиях существования спецпоселений, где труд становился условием выживания, депортированному населению приходилось в качестве спецпереселенцев быстро приспособляться к местным условиям и новой для них форме политического бытия. Вместе с тем в местах спецссылки спецпереселенцы решали определенные экономические задачи. Спецкомендатуры по своему усмотрению давали разрешение использовать спецпереселенцев на тех или иных видах хозяйственных работ. К тому же аппарат комендатур содержался за счет отчислений от заработной платы подчиненного им контингента. Спецпереселенцы, таким образом, представляли собой очень удобный "человеческий материал" для использования в трудоемких отраслях народного хозяйства (Алферова 1998: 47).

Архивные материалы показывают, насколько бесправной и тяжелой была жизнь депортированных народов. Часто переселенцев размещали в помещениях, непригодных для жилья, продовольственное снабжение обеспечивалось с большими перебоями, медико-санитарное обслуживание почти отсутствовало.

В особенно тяжелых условиях оказались люди на строительстве Фархадской и Нижне-Бозсульской ГЭС, Лянгарстрое, руднике "Койташ", в совхозах "Нарын", "Нарпай", "Дальверзин", в колхозах Шахрисябзского, Китабского районов Кашкадарьинской обл., Хавастского, Мирзачульского районов Ташкентской обл., Сталинского р-на Андижанской обл. и других районах.

Согласно постановлению за № 1927 от 28 июля 1945 г. "О льготах спецпереселенцам", спецпереселенцы в новых местах поселения освобождались от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству, от уплаты сельскохозяйственного налога, подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселениях (Бугай 1994: 55). С них также списывалась образовавшаяся за ними в местах нового поселения задолженность по перечисленным выше налогам и по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству.

Указанное постановление отразило некоторую либерализацию экономической политики государства по отношению к населению, занимавшемуся в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства сельхоздеятельностью.

К концу 1947 г. хозяйственно-бытовое и трудовое устройство спецпереселенцев считалось в основном законченным (ЦГА РУз 1: 5). Что же дало использование труда спецпереселенцев, оправдана ли была депортация с экономической точки зрения?

Спецпереселенцы со специальным образованием, за редким исключением, почти не могли работать по профессии, так как эти специалисты не требовались или для них не хватало вакантных должностей. Переселенцы использовались преимущественно как рабочая сила в сельском хозяйстве, промышленности и на стройках. Эффективность труда депортированных граждан не была стабильной из-за крайне неудовлетворительной организации труда. Почти во всех отраслях, где трудились спецпереселенцы, не хватало необходимых орудий производства, спецодежды. Отсутствие профессиональных навыков, непосильный труд, необеспеченность пригодным жильем негативно влияли на трудоспособность спецпереселенцев. Сказывалась также общая неустроенность жизни. И это при том, что в большинстве своем спецпереселенцы трудились добросовестно.

Таким образом, изучение процесса трудоустройства спецпереселенцев, использования их трудового потенциала позволяет сделать вывод, что государство, насильственно переселяя народы в другие регионы страны, преследовало как политические, так и экономические цели партийно-государственной власти. Высокие темпы развития мог-

Дислокация расселения спецпереселенцев в Узбекской ССР на 1 января 1947 г.

№	Наименование области	Кол-во спецкомен-датур, под надзором которых находились спец-цы	Количество проживающих спецпереселенцев в областях																		
			Крымские татары		Бывшие кулаки		Из Грузии		Карачаевцы		Немцы		Калмыки		Всего						
			семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.	В том числе		
																			муж.	жен.	дети до 16 лет
1	Ташкентская	30	12211	42543	1662	5194	2851	11520	92	339	40	154/28*	-	-	16856	59778	12080	20734	26964		
2	Самаркандская	22	7284	26680	73	223	3160	12267	-	-	914	2808	-	-	11431	41978	8485	14040	19453		
3	Ферганская обл.	20	4612	17863	-	-	1811	8684	-	-	38	71/139	-	-	6461	26757	5353	8655	12749		
4	Андижанская	18	4439	14486	132	408	1449	6135	-	-	16	71/65	-	-	6036	21165	3847	6773	10545		
5	Наманганская обл.	9	2740	8918	143	385	918	3464	-	-	31	66	-	-	3832	12830	2444	4295	6091		
6	Бухарская	11	752	2628	-	-	1047	4583	-	-	153	376	-	-	1952	7587	1356	2417	3814		
7	Кашкадарьинская	6	1752	6451	-	-	123	529	-	-	60	129	-	-	1935	7109	1235	2502	3372		
8	Сурхандарьинская	3	-	-	228	684	-	-	-	-	35	96	-	-	263	780	231	265	284		
9	Хорезмская	Без комендатур	-	-	-	-	-	-	-	-	22	33	-	-	22	33	9	22	2		
10	Каракалпакская АССР	1	2600	84	192	578	-	-	-	-	19	59	206	553	465	1351	367**	513	871		
Всего по Узбекской ССР		120	33816	119650	2430	7472	11359	47182	92	339	1328	3863	206	553	49253	179368	35407	60216	83745		

Начальник Отдела Спецпоселений МВД УзССР (подпись)

подполковник Кириллов

* Мобилизованные немцы по Уз ССР составили 232 чел.

** Количество чеченцев по Уз ССР составили 22 семей (77 чел.), они были размещены в Каракалпакской АССР.

ли быть достигнуты и за счет внеэкономического принуждения. Но следует отметить, что в самой природе волевых, командно-административных методов были заложены провалы волюнтаристских попыток искусственного ускорения социально-экономического развития Средней Азии. Так, депортированные народы на местах расселения столкнулись с рядом проблем:

1) переселенцам было тяжело адаптироваться к местному климату Узбекистана, что, в свою очередь, влияло на трудоспособность переселенцев;

2) с финансово-материальной стороны республика в первое время не могла обеспечить трудовое устройство переселенцев;

3) **становились очевидными безответственность, бездеятельность и некомпетентность представителей руководящего состава на местах, которые смотрели на спецпереселенцев как на временную рабочую силу и несерьезно относились к проблемам их обустройства;**

4) значительная часть спецпереселенцев проживала в неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях; перебои в обеспечении с продовольствием, одеждой и обувью и отсутствие медицинской помощи привели к увеличению заболеваемости и смерти среди спецпереселенцев, что негативно влияло на их трудоспособность;

5) спецпереселенцы со специальным образованием (за редким исключением) почти не могли работать по профессии, так как эти специалисты не требовались или для них не хватало вакантных должностей. В результате этого произошла потеря данной части спецпереселенцев своей квалификации;

6) иноэтничная среда, в которой находились переселенцы, усугубляла создавшееся положение;

7) причина невыполнения или частичного выполнения постановлений и решений об устройстве и обслуживании спецпереселенцев заключалась в том, что в них не в полной мере учитывалась реальная обстановка на местах.

Перечисленные выше проблемы привели к тому, что в целом труд спецпереселенцев, на которых смотрели как на дешевую рабочую силу, использовался неэффективно. Это одна сторона вопроса. Другая заключалась в том, что переселение проводилось без учета интересов народов, возможностей развития экономики республик, в которые направлялись депортированные народы. Тем самым в последующем был нанесен ущерб их социально-экономическому развитию. В частности, к концу 1940-х – началу 1950-х годов отношение к труду спецпереселенцев изменилось, и они стали занимать новые рабочие места на промышленных предприятиях. А преобладающая доля местного коренного населения оставалась занятой в аграрном секторе. И хотя эксплуатация труда спецпереселенцев (как и всех заключенных по всей стране) была одним из условий жизнеспособности системы, экономическая обоснованность насильственной "переброски" человеческих ресурсов, включая результативность принудительного труда спецпереселенцев, отнюдь не является однозначно утвердительной и требует дополнительного изучения.

Примечания

¹ Вновь организованным корейским колхозам были отведены обособленные земельные участки из состава ликвидированных совхозов, отделов рабочего снабжения, подсобных хозяйств и частично госземфондов (ЦГА РУз 7: 46).

² Для хозяйственного освоения корейским колхозам было отведено, включая приусадебные участки, 30 443 га земли (ЦГА РУз 8: 15), из которых 29 879 га – под вновь организованные самостоятельные корейские колхозы (Ким 1993: 43).

Источники и литература

- Алферова 1998. – Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Архив МВД РУз 1 – Архив Министерства внутренних дел Республики Узбекистан. Ф. Р-432. Оп. 5. Д. 2.
- Архив МВД РУз 2 – Архив Министерства внутренних дел Республики Узбекистан. Ф. Р-432. Оп. 5. Д. 6.
- Бугай 1989 – Бугай Н.Ф. За что переселяли народы // Агитатор. 1989. № 11. С. 22–25.
- Бугай 1989а – Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 1930–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.
- Бугай 1990 – Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопр. истории. 1990. № 7. С. 32–44.
- Бугай 1994 – Бугай Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: веки истории: Матер. науч. конф. Москва, 24–25 июня 1993 г. М., 1994. С. 84–97.
- Бугай 1994а – Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. М., 1994.
- Бугай 1995 – Бугай Н.Ф. «Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..."». М., 1995.
- Бугай 1998 – Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России). М., 1998.
- Бугай и др. 1993 – Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М., 1993.
- Бугай, Гонов 1998 – Бугай Н.Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.
- Вормсбехер 1988 – Вормсбехер Г.Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 10. С. 193–203.
- Габриэлян и др. 1998 – Габриэлян О.А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998.
- ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446 сч. Оп. 29. Д. 48.
- ГАРФ 2 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 168.
- ГАРФ 3 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183.
- ГАРФ 4 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1 сч. Д. 209.
- ГАРФ 5 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248.
- ГАРФ 6 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 323.
- Герман, Курочкин 2000 – Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в "трудовой армии" (1941–1945 гг.). 2-е изд. М., 2000.
- Гончаров 2001 – Гончаров Г.А. "Трудовая армия" периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история: Обозрение. Вып. 7. 2001. С. 154–162 (<http://www.hist.msu.ru>).
- Депортация народов 1992 – Депортация народов в СССР (1930–1950-е гг.): Документальные источники ЦГАОР высших органов власти и органов госуправления СССР // Матер. к сер. "Народы и культура". Вып. XII. Ч. 1. М., 1992.
- Иванова 1997 – Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
- Иосиф Сталин 1992 – Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: "Их надо депортировать..." / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1992.
- История сталинского ГУЛАГа 2004 – История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов в 7-ми. М., 2004.
- История сталинского ГУЛАГа 2004а – История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов в 7-ми т. Т. 5. М., 2004.
- Ким 1993 – Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент, 1993.
- Ким 1999 – Ким В.Д. Правда полвека спустя. Ташкент, 1999.
- Кисляков и др. 1966 – Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик. Вып. 1. Душанбе, 1966.
- Кривошеин 1912 – Кривошеин А.В. Записка главнокомандующего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1912.
- Маламуд 1998 – Маламуд Г.Я. Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпереселенцы на Урале 1940-х – начале 50-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

- Марсаков 1968 – Очерки истории колхозного строительства в Таджикистане (1917–1965 годы) / Отв. ред. К.П. Марсаков. Душанбе, 1968.
- Некрич 1990 – Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6.
- Полян 2001 – Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. (<http://www.memo.ru>)
- Полян 2001а – Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
- Ремпель 1996 – Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по "совершенно секретным" документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения: Матер. междунар. науч. конф. Апапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 69–97.
- Репрессированные народы 1994 – Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994.
- Парсаданова 1989 – Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44.
- По решению правительства 2003 – "По решению правительства Союза ССР..." (Депортация народов: документы и материалы) / Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003.
- Хлевнюк 1992 – Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84.
- ЦГА РУз 1 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 314. Оп. 7. Д. 18.
- ЦГА РУз 2 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 314. Оп. 7. Д. 24.
- ЦГА РУз 3 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 314. Оп. 7. Д. 26.
- ЦГА РУз 4 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 837. Оп. 32. Д. 589.
- ЦГА РУз 5 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 837. Оп. 32. Д. 593.
- ЦГА РУз 6 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 837. Оп. 32. Д. 1226.
- ЦГА РУз 7 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 837. Оп. 32. Д. 1228.
- ЦГА РУз 8 – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 837. Оп. 32. Д. 1228.
- Чешко 1988 – Чешко С.В. Время стирать "белые пятна" // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 3–15.
- ЯФТОГА 1 – Янгиюльский филиал Ташкентского областного государственного архива. Ф. 65. Оп. 1 л/с. Д. 41.
- ЯФТОГА 2 – Янгиюльский филиал Ташкентского областного государственного архива. Ф. 65. Оп. 1 л/с. Д. 66.
- ЯФТОГА 3 – Янгиюльский филиал Ташкентского областного государственного архива. Ф. 65. Оп. 1 л/с. Д. 121.
- Bushkov 2000 – Bushkov V.I. Population Migration in Tadjikistan: Past and Present // Migration in Central Asia: Its History and Current Problems. JCAS Symposium. Ser. 9. Osaka, 2000. P. 149.

A.K. R a k h m a n k u l o v a. On the Use of Labor Force of Deported Peoples in Uzbekistan in the late 1930s and 1940s

The article draws on a variety of historical sources, including unpublished archive materials, in an attempt to shed light on the issue of use of labor force of deported peoples. The case study presented in the article concerns the problems of employment of labor potential of deported Koreans and Crimea Tatars in Uzbekistan in the late 1930s and 1940s.